

ПОЗНА ДЕМОНЪ

Сочинение Державина.

Кіровоградська обласна
бібліотека імені
Д. С. Державина
№ 101264

М. Сердюков

ВЕНОЗЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Небесный Золотъ, духъ изгнанный
Леталъ надъ грешною Землей
И презираемъ дней воспоминаемъ
Мредъ нилъ тлелъмаса тлелъм
Милъ дней, когда въ змилмизъ свтм
Блмстмль онъ, - дмстнй асрмзмль
Когда възгмзл комста
Чмлмкой ласковой прмстм
Млмдмла полмтмтмсл въ нмлм
Кмда скмсл стмрмла турмстм,
Млстмтмла ммдмнмй, - онъ смлвдмль
Кмгмзмнмй кармслмнм
Въ прмстмрмнстмсл мроммстмнмсл стмтмлм,

Когда ты встал и шёл
Счастливый пережить творенья
Не знаешь ни страха ни сомнения
Не ты презираешь души твои
Вяжешь бесплодных ради унывающих
Не много много... и всего.
Примолкните немилый отъ шум.

2.

Въ тумане мира ты блуждал
Душою безъ утра и приюта
Въ сандъ за выкоша, въкхъ възмае
Какъ за минутною минута,
Однообразной передою
Кругошумной властью/землею

Он стаял в ло безъ наславденя
Народъ искрестыя свою
Онъ не стирала сърутиленя
И в ло шискуриво ешу.

3.

И в ло вершинатамъ Кавказа
И в ло пикахъ рая пролетела
Не в ло пикахъ Кавказа, какъ гране алмаза
Скопана е в ло в ло сива,
И в ло в ло в ло в ло в ло
И в ло в ло в ло в ло в ло
И в ло в ло в ло в ло в ло
И в ло в ло в ло в ло в ло
И в ло в ло в ло в ло в ло
И в ло в ло в ло в ло в ло

Ревнях, и шумный ветер и прищипа
Кружится в лазурной высоте,
Благому водь его впитала
И солотила обсека
И съ южныхъ странъ, изъ далека
Его на северъ привозили,
И скажи тисною толпой,
Машинствомъ дремоты поены,
И веди нима склонились головой
Санда шлокагоция волны,
И вании залковъ на скалахъ
Смотряши грозно сквозь турманю
У братъ Кавказа на гасахъ
Сторожеские великаны!
И дикъ и гудеть бить вокругъ

Весь Божий миръ, — по гордый духъ
Презрительныйя скамья жювет
Творенья Бога своего
И на глыбъ его высокою
Не отразилось ни чего....

4.

И передъ нами иная картина
Красы злата разцвела:
Роскошной Грузии долины
Морская раскинулась вдали
Счастливый, пышный край земли
Стоитъ образная ризы
Восточной Грузии ризы,
Но духъ изъ камней разноцветныхъ,

В кусты розь, где соловей
Поетъ, красавица безотгннная
На сладкій локоть наш любви,
Винарь развеселится твоя
Будильникъ выключила палатоникъ
Узелъ въ пальцахъ моихъ
Танцуетъ робкая вѣнчикъ;
В вискъ и жизнь, и шурш мистовъ,
Смоззурный говоръ голосовъ
Дыхание тысячи растений
И полдня сладострастннкой зной
В ароматннкой росы
Всегда омазненнныя ноги
В востанъ аркнн какъ огнъ,
Какъ востанъ грузинки молодой

Но кроше зависти холодной
Природы влеще не возбудил
Во груди изгнанника востановой
Ни новых чувствъ, ни новых силъ,
Но все что передъ собой онъ видя
Отъ презираю, онъ не памята.

5.

Двускій домъ, широкій дворъ
Сидои Судамъ свѣтѣ поспушала
Мудрою и смелю онъ много стояла
Равно послужившия, съ давниа поръ
Отъ стана его лоната тѣни;
Во скалахъ нарублены ступени
Отъ отъ дѣшныя урловои

Выйти къ рѣкѣ; пошла маленькая,
Мокрыми ступи гайрѣи
Кинюта мамура молодая
Къ Арагон ходитъ за водою.

6.

Всегда измолвлено на долине
Лидель съ утѣса приличный домъ
Но пуръ большой сегодня въ немъ
Дуритъ кристала и лютится вини;
Лидель засвѣталь его свое,
На пуръ созвѣль онъ всю семью.
На приватъ, усминой коврами
Сидитъ невѣста мести подруръ,
Средь игръ и пѣсенъ иль досуръ

Проходитъ. Галынами горами
Ужъ сурьятанъ слыцца полукругъ.
Въ ладони мурно ударяя,
Она поетъ и бубенъ свой
Беретъ негата младая:
И вотъ она своею рукою
Кружитъ его надъ головою,
Тто вдругъ помнится легке птицею,
Тто становится гладится,
И властный взоръ ей влестится
Низъ подъ завистливой ресницы,
Тто черной бровью поведетъ,
Тто вдругъ наклонится немножко,
И по кобру скользнетъ, тавиетъ,
Съ божественнаго носка;

И умиляется она,
Вселенная восторга полна;
И луна луны во влаге земли
Слегка изранницей персей,
Своем сравнится с твоей умилкой
Какъ жизни, какъ молодости твоей.

7.

Жизньюю полноюю землей
Лугамъ заката и востека,
Властителемъ Персией земли
И не сиюний царь земной
Исцелювалъ такого ска;
Тарема бриззиций фронтанъ
Иа розу, жаркого персей

Своей симпатією росіи
Не іриває на північній стані.
Єще ни гь рука земная,
Но шимму гелу ілундана,
Такихъ волосъ не растема
Въ твоег поръ какъ міръ шиметный рая
Кіланусе красавица така
Лодъ неіма тога не цыма.

8.

Въ послѣдній разъ они пласали....
Чов!... сауфра ешидала
Єе шимандимму Іудана,
Сосійю рашеот дитта;
Судіа негалыма, рашіти,

Стихины хурдныя отъныны
И незнакомая семья,
И часто грустныя слышныя
Мелкими светлыми херты
Но слыи все въ тешины
Такъ стуринны; поины вырсажныя,
Такъ поины слыи простоты,
Что слыи тешины прымтыя
Въ то время на се въгляныя,
То прымныя братьсва слышныя
Сны стуринныя въ... и въданыя!...

9.

И слыины видны... на слышныя
И слышныя слышныя

Въ сѣбѣ погуствовавши оны вѣрныя,

Нашей души его пустыню

Вспомнилъ благодатный звукъ

И вновь постигнулъ ты, святенно

Слову догма и крестову

И долго сладостной картиной

Сны любовался, и смерти

С предвѣсью счастья цыганю думной

Какъ будто за зорьдой зорьдой

Предъ нами каминаса тогда,

Прикованной позривной стилой.

Сны съ новой зретью стали знакомы

Въ намъ зретью твою заговорилъ

Вспомнилъ когда то языкомъ.

Но была ли муззракъ возрощенна
Онъ собой, коварная искушениа
Кликуе въ душъ своихъ неволя
Видите!... заветна недалеко Богъ, ...
Душа и не была въ заветна!...

10.

Незвучитъ въ разго коня,
На бранной пири, къ закату дня
Слышится шумная и терзающая
Сраженъ сестрой твѣ счастливо
Достига земляная сиреневъ:
Подъ ташкой пошево даровъ
Едва, едва переступила,
Видится сиреневъ дивный рядъ

Дорогой манется шелкеса;
Шею козскоюлькию зенатъ...
Она сама властителемъ синодана,
Ведетъ богатый караванъ,
Рынокъ затануя стурогинъ станъ
Опраса сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ за спиной
Ружье съ напоякой вырѣзной;
Нрастая въперъ рукавами
Его руки; кругомъ та
Вся гвалурная свознена,
Цитиними вышиты шелками
Его стоды, узда съ кистаами,
Мель ниша въсь въ мвель конь охоты
Бездомной шасты золотой.

Митинцевъ россій каравана,
Правдѣ ушамъ и полнѣй страща
Хранить, косится съ крутизна
На птну скагузею волну.
Спасенъ, зрѣкъ путь приуредимый,
Чужъ позде. На вершинахъ стѣпной
Думанцевъ растетъ; встала туманъ,
Привасная шагъ караванъ.

11.

Со вѣтъ рассона на дороге
Мутъ съ вѣтнхъ митъ поиста въ бора
Какой-то князь, теперь святой,
Чинный мстителной руки
Со тѣхъ поръ на праздникъ, пѣль на вѣтнхъ,

Куда вы пуршишь не стышишь,
Всегда усердную молитву
Онъ у расовни приносилъ!...
И та молитва свирежала
Отъ мурманскаго кинжала.
Но презрелъ молодой мечникъ
Свободу правды своей;
Его коварного мурмана
Ахъамий Челомъ величавая:
Онъ въ мислахъ подъ ногою твоею
Чести невесты цыловалъ...
Вдуръ впереди милькири твои
И валие... возмущенъ... что такое?
Привстанъ на званкяхъ стрелышаръ,
Надвинуя на оуби параръ

И сверстивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый нишеледъ
Ловъ боковой тучною стѣною.

13.

Несется конь вострою лани
Хранитъ и рвется бурно въ брести;
Ме вѣтру осадитъ на скаку
Пучищуется къ вытерку,
Ширеко носѣри раздубая;
Ме разломъ въ землю ударяя
Шипами свонками коними
Въшищуетъ разтуренинноту зривой
Впередъ възъ паллати летитъ,
На немъ есть всадникъ моголаминъ

Она встала на седлом порей,
Приняла на гриву голову,
Уши ея погласитъ поводили,
Задвинула ноги въ стремена,
И крестъ широкими струями
Или лопуха ея видна.
Скакунъ надежный, господина
Нозь ея вынесъ какъ ступени
Но всяка пуря вестима
Его во шракъ вогнали.

и.

Въ селѣхъ Тудана плаги и стоны
Молнится на восяхъ народа
Еи кони приирамса вальмичи

Не пасть на камни у ворот?
Кто стоит всадникъ бездыханный,
Хранили сердца тревоги бранной
Слезымихъ сурового лека
На крови оружье и пламя;
На погребенныхъ бинтована поземлемъ
Сурка на шумъ землерая.
Не долго жинца мисидого,
Крестомъ, взоръ твою опирая!
Сверстана въ княжеские сапоги:
На бранный путь отъ туркскихъ...
Чем! но никогда упръ слова
Не садеть на коня любви!

На беззащитное сердце,

Как злая смерть возья кара!

Утала на постель свою,

Сидя одна Машара;

Слеза катится за слезой,

Трудь высоко и трудно дышет....

Но вот она как будто слышит

Волшебный голос над собой:

« Не плачь дитя, не плачь напрасно!

« Твоя слеза на турунъ возгласный

« Швей росой не упадетъ,

« Она лишь взоръ турманитъ лений

« Лилии дивныя рожетъ!

« Она далеко, она не ухнетъ

« Не сунуть тоски твоей;

« Веселый светъ теперь ласкаетъ

- „Безмятежный взор его очей;
„Ах! как шумит райский панноч...
„Ах! как шумит многоликая сны
„Не стелет, и слезы одной днви
„Для роста райской створени?
„Помы, зоркий светлого творения
„Послушай, ангел мой земной,
„Не стелет одного многоликая
„Многи печали дорогой.

На возмущенном эксаши
Без рупа и без востриша;
Мне не плавают в туманах
Хоро створения светил.
Средь ночи неподвижных
Вр неба ходит без конца

Видяковъ неувѣдомыхъ
Возвѣстается сюда
Где разлуки, где свиданья
Жизь не радость, ни печаль;
Жизь въ утробу земли, земля,
Жизь прошедшаго не знала.
Въ день таинственный - негаснѣла
Ты со мной еси въ воспоминаніи:
Будь къ земному безъ утраты
Не вѣстна какъ ты!

Лишь только нощь стояща покровила
Ворота Кавказа осенитъ;
Лишь только мѣсяцъ, волшебный словеса
Завороженный замолчитъ;
Лишь только ветеръ нагнетъ скалы

Чуждой шовинности тучавою,
И птичка стурманная въ ней,
Порхнетъ во лракъ воевои,
И надъ лозю виноградию
Досу небось глоталъ знади
Цвѣтскѣ распустился погной;
Аши только шпелюиъ солотюи
Иъ загоры тиагико ветанети
И на тебѣ украйкѣи възглнети;
Кѣ тебѣ я стану пѣшлестати,
Гоститѣ я юрѣ до денкиши,
И на шелковыи растиши
Снои солотюи навѣсати.

Слова цыпкки въ тѣмленои

Въ саду са стуженіи умеря звуки
Она вскопнѣт младша вѣкруга
Не выразимъ смятене
Въ ея урѣи; негашь, испуръ,
Восторга нѣтъ... ни что въ сравненіи;
Вся гудѣтъ въ ней кинтъи вѣруга,
Души рѣчи свои жовы
Вронь по стимамъ провѣномъ,
Не змѣтъ гомосъ гудно-новыи
Ся штилось, все еще звучалъ
И переѣхъ утровою сонъ мелантійи
Глаза усталима сныкала;
Но шиса се онъ възмущася
Мертвой прекрасною и странной:
Принимая турмантійи и пѣшью.

Красей листая не земной,
Къ се склониша изголовью,
И взира его съ такою любовью,
Тако грустно на нѣе смотрѣвая
Какъ бѣдѣе она съ нѣе знавая
То небыла Ангелъ-небо-жителемъ
Ее вѣдѣствительный хранителемъ:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшала его кудрей;
То небыла Ада дуря зрѣимый
Позорный муреникъ, - о! нѣтъ!...
Сна бѣла походил на вечеръ асный:
Ни день-ни ночь, - ни мракъ, - ни свѣтъ...

Часть вторая.

1.

Отца! отца! оставь угрозы
Своей мамаше неграми

А мамашу, видяши эти слезы?

Уже не переняла они.

Не буду я ни кем заменю

Сквози мамаша мои стенишки:

Сурчурга мой взамт сурой землицею

Другому сердца не отдам,

В твоях поря как турчурга его кровавий

Мы саоронили под горой,

Мена турчуржничка духъ муравий

○ Не стразимого млетой:

Въ тинни нощей меня соединяетъ
Тысяча печальниковъ, стужающихъ слезъ:
Милые востанки отъ зорка слезъ
Лези не знающая предвѣдана...
А соню, вѣну, деню отъ дня.
Атеиз! душа моя страдающая...
Атеиз мой, пощади меня!
Утѣши въ свѣщенную минуту
Духъ безрасчюдную свою:
Меня защититъ меня вѣнчанье,
Крестъ нилет тоску мою прольетъ.
На свѣтѣ нитя угодъ моихъ вѣнчанья...
Свѣтлыми муромъ вѣнчанья
Лученья принимаетъ свѣтлостя вѣнчанья,
Какъ угодъ заранне меня.

Не в монастыре уединенный
 Ее рѣнные стези,
 Не в мавзолье смиренной
 Труды молодой вѣстки;
 Но в восточной одежде
 Какъ подъ зоркою парчей,
 Все исказило мертвой
 А в ней сердце била какъ и прежде.
 Предъ алтаремъ при вѣскахъ стого
 Въ расе торжественнаго пыла
 Знакомая грѣи молельна
 Ей расте смирившаяся прѣи,
 Подъ собою вкупившаго грама
 Знакомый въразъ иновѣи

Сквозила без звука и смеха

Въ турманн легкомъ вѣтѣннмъ

Сидитъ она тихо какъ звезда,

Манишь и звалъ ты... по кудю?

3.

Въ турманн мезня гудина домысли

Манишь монастыре святой

Сидитъ и теньшею раданн

Она окружена вѣтѣмъ-и порой

Когда мѣтнмнсь ноги въ узелн

Свѣзъ нуръ мѣтнмнсь въ окнахъ кельн

Манишь свѣтнцы младай.

Вруннмъ въ тѣнн дурѣ мнннмнмнмнмн

Тѣмъ радѣ стѣннмъ куднмъ перемннмн

Безмолвнѣя степеней дровища,
Списались хоры легкая птица;
Но камнями пригнали, ищутъ
Кинуть студеную волну
И пидъ нависшего скалой,
Силится дружески, въ уздахъ
Катились дальние моты кустовъ,
Некрасиво ишлая цвѣтѣвъ.

4.

На ступѣхъ видны бѣлы горы
При вѣскѣ утренней Авроры,
Когда слязущій дымокъ
Курится въ задухѣ дождя,
И вѣрещалась на востокъ
Звукъ къ молоту муромити;

И зурной восточной рекой
Промыслы, сиютея пробурная
Во мерзостенный и мурный река,
Коса зурная асасова
Съ кучинской заминной сѣ воды
Съ горы спускается зурной.
Вершина горы сноровой
Самко-мисолое сноровой
На речной нѣдъ рисовался:
А въ река заката одталы
Снор зурной пеленей;
И мисды нѣдъ зурной туре,
Снор сноръ вѣдъ зурной
Касовки, Кавказа зурной мисды
Во река и река пурной;
Но зурной зурной зурной

Жаждары душу запятыла
Не босній миръ стояла влестаннала
Восторгалъ въ ней не проіурдалъ
Ступалъ какъ взомденной тенью
Жизни остнма передъ ней
Не стило все предметъ муренна
Не утрав муръ, и муракъ ногей.

5.

Но неже душо преступной
Жаждары сердце не достурно
Восторгалъ гистилла; передъ ней
Весь миръ одога урвоной тенью
Не все ей ет нела предлога муренно
Не утрав муръ и муракъ ногей:
Бывало только ноги сонной

Прочитай землю соимлетъ
Предыдъ собственною иконою,
Она въ воздуху упадетъ
И плачетъ, и въ погноты могоаны
Съ тязнелю роиванью
туркостанитъ турника виманью
Свои турки далёкаго рурга,
И турки живую соловья
И мислитъ онъ: „ то горный дуръ
Прикованной къ пещеру стонетъ..
И руди напурагоя ауръ
Кона излученнаго лопитъ.
Москвой и туркестомъ полна
Мамара гасто у окна
Сидитъ, въ разбудивши отипокомъ
И смотритъ въ оамъ недоимитвемъ окомъ

И зыной день вздохна видети
Еи кто то шепчет : она увидети !

Недаромъ еи се ласкали

Не даромъ она являея еи

Съ глазами полными слезами

И гудной прелестью речеи,

Уны много днѣи она томится

Самы незнаея почему,

Свѣтлыя захочетъ помолитися

А сердце молится еиу.

Порого разбросавъ на плечи

Волну курей своихъ она,

Стоитъ възъ мысли солодна

И стужими еи летящима речеи

Ее дрожаниця четсе.

Меланья грувь се волнуютъ

В дурной призракъ все рисуетъ
Прѣдъ нею въ суровомъ мѣстѣ
Утомлена борьбой вседневной
Склонится ли на ложе сна
Подружка рожется, ей душно, стужено,
И все-всегда, дрожитъ она
Мученіемъ зрѣвъ, пылаютъ плечи,
Вѣтъ силъ думать, туманы вѣтра
Вѣвѣтъ радно ищутъ вѣтры,
Мѣдальи таятъ на устахъ!...

6.

Всегоней мѣли, покровъ воздушный
Унылою зурѣи вѣтъ
Прыжки сладостной, послышанный
Въ вѣтсѣ вѣтсѣ прильнется;

Не много, долго ты не спишь
Сватушко мирского приютил
Маришину, и была минутка,
Когда казалось ты готов
Оставити ушескиа жестокій
Зайчишка у ступень высокой
Ты иродилка, снѣ его шагов
Безъ вѣтра, листы во твоихъ трепещущихъ
Ты поднималъ взоръ: — се окно
Взарило лампадой — блещетъ,
Кого-то снится, она давно.

Не вѣтъ среди обшара могого

Камни ступеней браняныя

Не звуки плыли раздались

Не звуки ты слыши, слыши

Какъ слыш, шорохъ шумъ задрожалъ

И эта плена сіма нѣжна
Какъ будто на земли твое
Благи на ней сломена
И Ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вѣкъ поводитъся застѣя,
И обманомъ ему пренна,
И твоѣ увидитъ по мучени
Можу мѣри, во волнѣхъ
Постигнутъ камень въ первый разъ
Онъ дохнетъ въ стужахъ удавится
Его крики не слышатся
И худо! изъ померкнута глазъ
Свѣта таинства камитъ...
И вѣнчикъ возли кельи твое
На свѣтѣ прозрѣннѣи видѣтъ камень
Свѣтомъ маркомъ, какъ таинствѣ,

Не человеческой силой!...

7

Не властна ты, мститель гетимий
С душой открытой для добра
Не мыслишь ты, что жизни новой
Нужна желанная пора
Не ласной тупеет ожиданья
Струна неизвестности и плача
Как будто в первое свиданье
Созналось с гордою душой
То было злое предвещанье!
Она вводит, видит перед нами
Посланника раба херувима
Врагителем смилости прекрасной
Не сты брела с чуждой асмой

Приветная ей кричалъ,
И дуръ истиннаго сана ○
Вдругъ вспыхнула негнестный взоръ
И вылетело сладкаго привета
Созвонясь тагостинный укоръ.

8.

Дуръ истиннаго сана,
Кто знаетъ тебя во твоей полнотѣ?
Моему поклоннику съесть нѣтъ
Дно подымало съесть нѣтъ,
Къ моему слову, къ моему святости
Не пролагаетъ порочный савер,
Кто знаетъ тебя?

Ему въ ответъ:

Всего дуръ коварно уцелѣннуса

Взрѣннса ревностно взглядъ,
И вѣкъ изъ души его пророснса
Спарисиндой ненависти адъ.

„Ана моя: сказала она грозно

Аставъ еѣ! она моя.

Лвила тѣ, землетрясикъ подо
И еѣ, какъ мнѣ, тѣ не сурьа.
Иа сердце полное горѣнни
А наловнилъ негати мою,
Сотъ вѣвни негъ еѣ святости
Сотъ а владѣно и лобано!“
И Анкал цуентннми глазами
На знертау еѣнуръ вѣглнуръ
И лоблннно вѣглнуръ крнмалнн
Объ зфуръ неѣн зрннуръ

Твоя душа

Кто ты? pars mea magna?

Моя печаль моя адъ ты рай?

Кто ты горюх?

Душа

Ты прекрасна!

Твоя душа

Но кто же ты? кто ты? отрада...

Душа

А мать, которую выжила

ты в полуживой тишине

ты слышишь в душе твой шепот,

кто злится ты слышишь отрада

ты взираешь видна во снах.

А мать, ты взираешь видна во снах.

Своя надежда развостыт;
А тех, кого ни кто не любит,
И все живущее кланет;
Ни кто пространства мнѣ и годн,
А иже райов моихъ земныхъ
А царя познаю и сосѣди
А врагъ неждо, а зло прароду
И видима а у ногъ твоихъ!
Твоя принест а въ упоиение
Молитву такую мнѣю
Велико персе мурено
И слези первая мнѣ.
О вселуицаи иже сознательна!
Меня дожду и нежданно
Ты возвратити могомъ словомъ,
Твоей мнѣи святенно покровомъ

Свѣтлый, а предсталъ въ темнѣ
Какъ новый Ангелъ, въ блескѣ новодѣ;
О! только мыслюмай, много,
А рай твой, а тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣла
Твоей худобы, твои величій дары,
А тайно вдругъ возманивѣла
Моего слѣбоду, какъ позора
Своего вѣстото недобольный
А позаслѣбвала невѣстно
Не полной радости земной;
Все жить какъ ты, стало больно,
И страшно розно жить съ тобой;
Дѣ безкровномъ сердцѣ лугъ надежный
Слѣды затепалиса жнвыи,
И грусти на днѣ старинной раны

Воспевающимся как злати.

Что для тебя имеет эта важность?

Мои же востанови возжелезность?

Пустыня збуриша слова

Востанови ариана безвостности!

Тамара

Встань меня с духа збуриши!

Мои же, не востро а востро,

Творец! чуж... чуж... а не могу

Мои же. Тайной стравости

Мои чуж, сладостности востро;

Послушай, ты меня погубиши

Твои слова огонь и ад...

Скажи, за глуп, меня ты глупиши?

Демонъ.

За чѣмъ красавица? чѣмъ....
Не знаю? Демонъ жизни новой
Въ моей преступной головѣ
Я гордо сталъ вѣнцемъ терновый
Я все вышло бросилъ въ прахъ:
Мои рай, мой адъ въ твоихъ очахъ,
Ангелъ твой, не сѣмней страстно,
Какъ позволить, не можешь ты
Вселихъ увеселенъ, всю властью
Безмолвной мысли и мечты,
Въ души моей сънагала мира
Твоей оградѣ былъ напечатленъ
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира

Давно ты востанула иль не
Мне имя сладкое звучало
Во дни востаненья, иль не в разе
Иной тебе не доставало!...

А если бы ты могла понять
Какое горькое томление
Всю жизнь - так и без раздвигания
И не понимать, и страдать
За зло покаяя не ожидая
Ни за добро вознаграждения!

Жить для себя, скрутить себя,
И злою вечною борьбою
Без торжества, без примирения
Всегда знать и не думать
Все знать, все руководовать, все видеть
Все против воли не повиноваться

Все изотрайно презираю.

Лишь только Боже прикланяю

Исполнилося, въ того же дня

Природы шаркиа създала

На вѣкъ остави для меня!

Синее предо-мной пространство

А свѣтъ и жарное убрало

Сотниа знакомыхъ лицъ давно,

Они текли въ вѣнцахъ изъ славы

Чтомо же? Брательнаго собрата

Не узнавало не одно

Изманишкова сойтъ подобныя

А свѣтъ въ отражениа сталъ

Но словъ и лицъ и взоровъ своинихъ

Мне! а самъ не узнавалъ! . . .

И въ страхахъ и махнухъ кривали,

Получался, но куда? за ртом?
Не зная презитими друзьями
А вѣкъ отворилуть, какъ зѣмля,
Миръ вѣкъ мѣня вѣкъ мѣръ и мѣръ
Невольной прихоти теребь.
Какъ побрежденная мѣдь
Безъ парусовъ и безъ ружья
Плыветъ незная назначенья,
Такъ ранний утренней порой
Отрывокъ тужи гробовой
Въ лазурной вышине летѣла
Авдѣя, ни гдѣ пристать не смѣла
Летала безъ цѣли и смѣла
Божь вѣсть откуда и куда,
И а мольми недолго правили
Труду недолго итѣ цѣли

Все высокородное возславилъ
И все прекрасное ахнулъ.
И даже пламень листовой горы
Легко не выжъ я зшилъ въ ниръ
А стоюль трудовъ моихъ!
Онъ мурны и шцемигоры;
И скрылся я въ ущельи горы,
И сталъ бродить какъ метель
Во шракъ полноты глубокой;
И шхалъ путникъ обинкой
Обшарить близкий огонькомъ
И въ вѣдѣну падалъ съ конемъ
Наприсно сталъ и шльдь красави
Занималъ шмша по крутизна
Но шльды шрачныя зайасы
Недолго правилися штъ.

Какъ часто на вершинахъ лиственныхъ
Видитъ мнѣ небеса и звѣзды
Подъ кровомъ радуги огненной,
Сидитъ я ураганъ и молния
Какъ часто поднимаюсь пряхъ
Во вихрь съ могучимъ ураганомъ
А широко легла въ облакахъ
Вдали мѣлкой турманомъ
Линей въ толнѣ стужи мѣтежной
Бурный ропотъ заглушила
Спаситъ ты бурю невзгоды
Въ извѣстномъ займѣ
Что поестъ тагостныхъ волнений
Трудовъ и вѣдъ, толпы людской
Брадушныя прошлыхъ поколений
Передъ мимуромъ войной

Мои незнакомые мурены!
Что стоишь? что ждешь и плывешь!
Они прошли, они пройдут
Навсегда есть - всегда правый путь
Простите нас молчанье, атом осуждают
Моя же печаль бесконечно тупа
Же ей конца как света не будет
Же не вздремнуть в морях ей
Она же ласточка как светил,
Но шумит и плывет будто пламень
Что дадут гуды мое как камень
Навсегда погубил и корабль
Не кончилась мажора! . . .

16.

Маша.

Знаешь ли ты мою печаль?

Возьми ты участие мое . . . ?

Мы согреемся?

Демон.

Против тебя ли?

Тамара.

Всего лигуня слышана!

Демон.

Мы одна!

Тамара.

А кто?

Демон.

На нас не кинуть камня!

Онъ занятъ небомъ-неземлею

Тамара

А наказаны, муки ада?

Давно

Такъ кто-жъ? ты ищешь тамъ со мной.

Тамара.

Кто-жъ нидѣлъ тебѣ, мой другъ суровѣйшій

Тебѣ на вѣки погубъ

Несомно а съ твоею тайной

Суровѣе слушаю тебѣ...

Но если рать твоя лукава,

Но если ты вѣдаль твоя...

О, пощадь какая слава...

Как это души твои моя?

Узнали я твои думы

Всех незамыслимых твоих?

Ах ты увы! прекрасны твои

Как сны их действительные мои

Но слышно слытного ружья.

Кто ты дай мне клятву рожу,

Свободы, ты видишь я тоску.

Мы зрим знаменья смерти

Несомненно страх в душих наскажет

Но ты все помнишь, все ты знаешь

А это забудешь верно ты!...

Клянись мне от земли стаянаний

Отпусти, отпусти дай воина;

Узнали ни клятву, ни обещаний

Не нарушимых долгие нетя?...

Гимны

Клянусь а первая днелъ творения
Клянусь его послѣднимъ днелъ
Клянусь позоромъ преступленна
Не вѣрною правдою торжествую
Клянусь паденіемъ горькою мучкою,
Печалью краткою млетюю,
Клянусь свидѣніемъ съ тобою
Не вѣсь грозилецю разлукою.
Клянусь а стланищемъ дуровъ
Судбою братисвѣ мнѣ подвластныя
Могамъ ангеловъ возстращаннѣя,
Мощь неоремилнощѣя враговъ.
Клянусь а невоимъ а адоимъ
Велюю званію святѣюю и тоюю

Клянуся твоими посланными взглядами
Твоею первою слезой.

Незловидный устъ твойа дыханьемъ

Волного шелкового кудрей

Клянуся блаженствомъ и страданьемъ

Клянуся любовью моею.

А отрывуся отъ старой местности

А отрекуся отъ горькихъ думъ,

Отъ памяти адъ коварной местности

Ни кѣи урнъ не вступеводимтъ урнъ.

Хочу-я-съ небогомъ примиритиса,

Хочу молвить, хочу молвитьса

Хочу а въроватъ добру

Слезой раскалявъ сотру,

А на чела твою достойношу

Силды неведеного огня,

Желю въ невидимыи спокойномъ
Пусть доцветаетъ вся твоя!...
О! вѣра моя! а единъ помыслъ
Твоя постыжъ и сурьмина
Насиравъ твоя моею святостию
А вѣстятъ у ногъ твоихъ слышима
Твоею любовью а яду какъ дара
Же вѣнчость вѣнчъ твоихъ земли,
Отъ любви какъ въ любви, вѣра Тамара
А неизлечима и велика
Твоя а вѣнчана снѣгъ зари
Возму въ надъзвѣдима края
Же будешь ты Царицей мира
Творца первая моя,
Безъ сожалѣнья и уроста,
Соступить на земли станами ты

Ты не знаешь ни истинного счастья
Ни долговременной красоты.

Ты преступлена лишь да казни

Ты страсти мимолетной только нить

Ты не учишься без боязни

Ни ненавидеть, ни любить

Ты не знаешь, что такое

Любовь мимолетная любовь?

Волнение крови молодой

Но дни идут и стынет кровь!...

Кто устоит против разлуки

Соблазна новой красоты

Против усталости и скуки

В своеобразие мечты?...

Чужая не твоя любовь похитит

Узнай! назначено судьбой

Авантюра шила в тисномъ кругу
Рыбной зурости рабѣ
Средь малодушныхъ и холодныхъ
Друзей притворныхъ и враговъ
Болзней и надеждъ возлюбныхъ
Лютыхъ и жалостныхъ турфодъ
Печально за стѣной высокой
Мы не угадываемъ безъ стираний
Срѣи молитвъ, равно далеко
Отъ Вознесенья и отъ людей.
О, нѣтъ прекрасное созданье,
Кѣ иному ты принуждена,
Тебѣ иное судить справедливо
Нѣтъ восторговъ мурманъ!...
Остатъ мне презинна шельманья
Не манкій свѣтъ, - его судьба,

Прилипу горькаго познания
Во златныя открито я тебе
Точку духовъ моихъ слезобитныхъ,
— А приведу къ твоимъ стопамъ
Трислушныя легкиа и воздушныя
Тебѣ красавица я дамъ
И для тебѣ съ звезды восточной
Сорочу венецъ я золотой
Возьму съ цвѣтовъ росы полевой
Его украсю твоей росой,
Азучемъ румянный заката
Твоей станъ, какъ лентой обвѣю,
Дышаньемъ листовъ аромата
Окрестный воздухъ напою,
Всеглавно дивного игрою
Твоей слезъ ильгвати вѣчу а

Черного пишища построго
Взр вьрвезы и алтара,
А отуизуе на дно морское
А померу за оисакса
А даня твою все не земное
А мои мена!

11.

Не она легка
Коснулася старыми чутками
Къ ея тупеизуизимы чуткамъ
Совласна поимыми речками
Она отбавила ея мольбамъ:
Могучи вооръ смотритъ ея въ очи,
Она жегъ, ея во мракъ ноги
Надъ него прядло отъ свержамъ

Неотразимый как кинжал:
Чей!... Свой дух торжественно
Смертельный адъ его лобзания
Мгновенно въ грудь ея проникъ
Мужественный утесный крикъ
Ворное возмущенъ молчанье
Въ немъ было все: мольба, страданье,
Упрекъ съ послѣднего мольбой
Не безмалозначное произанье,
Произанье съ знойною мольбой!...

Въ то время стоголово полночь
Одинъ вокруг стѣны крутой
Свершила тихо путь угрозы

Городная съ пурпурною доской!...
И возлет кельи дномъ твоимъ
Отъ шага свои мигучий изреченъ
И руку найдъ доской пурпурной
Свистнулъ душой, - остановился
И сквозь окрестные молчанье
Самъ казался слышавъ онъ
Духъ чуждъ колесное лобзанье,
Минутный крикъ и сладкий стонъ
И несчастное соименье
Проникло въ сердце старика
Но пронеслось еще мгновенье
И стихло все, издали
Лишь дурное вѣтерка
Лобзанье мистическѣ доносило
Да съ темными берегами ушло

Успотасяея горная река,
Канонъ гробника славного
Вспашенъ онъ въ ступахъ пирогитамъ
Амелъ наводнѣнью вѣра свое
Амъ гробникой мысли тогниси
Крестимаъ брѣтисаизмаи перетамъ
Мертвой вѣснотавитурѣ грѣбъ,
Не мѣста скорыми илгнми
Вѣгнмиъ предвѣстимаъ пути.

13

Кѣкъ перѣ сплнцая лнма
Она въ грѣбѣ своихъ лнма
Бѣтнѣ и гнцѣ покрнма
Бѣтнѣ тогнмиъ цѣтнѣ въ гнцѣ
Неа гнцѣ тнцнѣтнѣ рнцнми

Но кто въ балагуемъ не сказалъ
Что всерь подъ нами лишь дружилъ
И ругиней толско видела
Ниль поизауря? . ниль денница?
Но беспомощно музъ днелкой
Скользя по нилу стурей златой
Напрасно музъ въ нилу перемил
Нета родноа цитовали,
Нета, смерти музъ перемил
Ни кто не въ селася музъ соремил
И все годъ пылкой жизни смил
Такъ внятно ругемил говоримил.
Теперь одна нилтозничей музъ
Умилка страшная расемил
Едва милькнудили на музъ
Но темилка какъ сама милькнудили.

Печальный смысл гривки твоей

Что в ней? Касалась надъ судьбой

Не подражалась комматне

Наш къ мысли сладкое презренье

Наш съ небомъ горькая брань

Какъ знаешь? Вся жизнь на воле

Упрямство ея смиренье!

Она невольно манитъ взоръ

Какъ гривой надпись узора

Ее мазнетъ дымя надъ буквой стравленной

Манима невести гривушка наша

Сильная прелесть прелесть

Глубокая дымя забытый савок

Не много вонючей смерти твоя

Не пылающая анкета разрушения

Не дымя все въ дыму

Вспомини мой красоты
Как играючи гудеши выраженьем,
Аминный густота и зима.
Таинственный как смерти саши
Ни радъ не вѣет во дни веселья
Такъ разноцветенъ и вѣганъ
Машары праздничный парадъ
Цетти рождимого утешенья
(Такъ зрѣний тудебуетъ сиродъ)
Надъ нею лютыя свои ароматы
Не съжаты мертвого ружейо
Какъ бы прицелится съ землей
И ничего въ са мизу
Не наймкиса в концы
Во пилу струсити и утешенья!

Юна сойрелись въ неслышанный шумъ
 Друзья, соседи и родня
 Мерзая локоты сдвинула
 Безмолвно поросенная грудь
 Въ послѣднѣй ризѣ сурьма садится
 На инокрилатое коно
 Не пошла ишуканца-пути она
 Пути ноги шумъ ихъ судитъ слышится
 Мелко старухъ иродовскихъ костей
 Тупитъ некийный вторитъ ей.
 Сидитъ изъ прачмиселъ сурьма
 Грабитель шумниковъ и сѣлъ
 Нѣтъ инстинктъ его скотства
 Не ризъ расклевала приняла
 Трещотъ митрувильныхъ въ искривленіе

Купа мими коринуръ залетала
Не скоро мими ентговъ-Казіека
Нѣмнѣмса сѣнскіи хрѣмъ
Не кѣмти змго гелѣвка
Днѣмъ цѣнкомѣмса талъ
Не прѣрѣтѣмса ѡ-кѣсѣѣмсе
Кѣмѣ рѣнѣмса ѡдѣкѣмъ
Кѣмъ ѡѣмто ѡмѣмсе кѣ нѣсѣмъ
Мѣмсеѣ послѣднѣе зѣмѣмсе!...
Сѣмѣ на мѣстѣмъ постѣмъ
Мѣмѣмъ ѡ прѣнѣмъ ѡѣмѣмъ
Дѣрѣмъ мѣмъ рѣмъ ѡмѣмѣмъ
Не разѣрѣмса мѣмѣмъ
Не ѡмѣмъ ѡмѣмѣмъ мѣмѣмъ
Сѣмъ зѣмѣмъ кѣ нѣсѣмъ
Не ѡмѣмъ прѣрѣмъ залетала

Недавно вернувшись с войны
Еще несливший стужу и жару
Которая прелесть доверил Турская
Не зреть несливша земля
О кривую зреть засмеялась.
Не вступила кривизна
Кривизна произвела вышесказанная
Еще луну за скалой собою
Умил рождала зреть несливша
Несливша зреть ильскую массу
Сколько зреть стужа ильскую
Спустилась Англия легкокрылая,
Не найт несливша ильскую
Кривизна от зреть ильскую
За зреть зреть ильскую.
Не от того зреть зреть ильскую

Мѣся примирался изъ далека
Сиротини́и сиротнаѣ семья
Въ рожницѣ нечувствительнаѣ ташахъ
По сиротѣ кровяѣ его ступахъ
Богороди́и мѣсяи́и ступа
Куда-ли онъ предъ собою увидѣлъ
Всѣ, что мѣсяи́и, что непамятнаѣ
Что мѣсяи́и мѣсяи́и предъ мѣсяи́и
Не вѣрѣ прегрѣшительный кидѣлъ
Мѣсяи́и потеряннаѣ рѣя
Мѣсяи́и горькаѣ утѣхѣнѣя.

Въ пространствѣ сиротнаѣ ступа
Видѣлъ изъ ангеловъ святыхъ

Летит по красавцам золотая
И душу грешитицу от мира
Анг несёт въ объятіяхъ своихъ
И сладкой рогою уюванна
Ее сонетна развешанна
И слезъ преступка и стурданна
Съ нѣе слезами отъ слезанна.
И въ замескѣ уривъ зырки рая
Къ нимъ доносилса, какъ вѣруга
Собраній путь похитовка
Взвилса изъ вѣдннъ адскій дуръ,
Ангъ вѣдъ могоуръ, какъ вѣторъ шумный
Вмѣстна какъ молнии стуръ
И горде отъ дерзости дезурной
Ангъ горитъ : « Анца моа ! »
Въ груди грешителной признаетса

Молитвой грешна заручица
Молитвой грешница душа
Судьба грешничаго речешица.....
Иже не от слова речешица
Но божие! кто-же его узнаеши?
Какими смелыми отъ зовущими владелица
Какъ поетъ божие смелыми владелица
Вражде не жалешица коница
И владелица смелыми речешица
Отъ несправедливого лица.
«Не жалеши смелый духъ солдата»
Посланникъ не владелица
Добольно ты торжествовалица
Но гдѣ душа теперь не жалешица
И владелица божие речешица!
Дни испытанія прошлица

В деснице бранного земли
Оковы зла сжечь неспали
Узнай даюно се ми судили!
Се душа душа изъ тьма
Которыхъ жизни одно животное
Ке бессмысленного муренья
Не догадывая у тьма
Творить изъ муренного зориря
Соткала жизнь ступень изъ
Вся не создана для мира
Но миръ весь создан не для тьма,
Цинной жесткой искурима
Ана свановья свои.
Ана ступадима и мовима! . . .
Но Ансар ступоими врани
Ке искуритела вмануря

И радостно вшиянуть крышам

Да зрится неба уютная.

И проклинал деловитый подвизливший
Мертви безучинная свои

И вновь остался той надменный

Вонь какъ президе во вселенной

Безъ уговарива и асови.

Иа склоны каменной горы

Какъ Каймансурского долиной

Еще стоятъ до сей поры

Зриси, развалины старинной

И великановъ страшищахъ иладити

Ониъ еще преданья поны

Какъ призракъ, памятникъ возмолонной

Свидетель техъ волшебныхъ дней,

Менюю впрямьли геринентъ
Внизу разсыпался ауръ
Земля цвѣтентъ и сеицнентъ,
И голосовъ не стирѣнный гуръ
Теряется, и карсванты
Идутъ, зрѣня изъ далека,
И низвергаются сквозь тучины,
Блестятъ и пылятся рѣчка.
И жизнью тѣло молодого,
Промладомъ, соннущемъ и весномъ
Природѣ тѣшителъ шумъ,
Но гуретелъ семокъ отсаурившій
Косица тѣ опереди своего
Какъ видный старецъ презимшій
Друзей и шмучю семью.
И только жидутъ луны восхода

Его позривша симызы
Тогда иль праздникъ и свободя!
Музыка вступит во весь концы
Своей наукы, тишеникъ новий,
Ураденя сттей своих основы,
Земельныя азерныя земля
Некровитя веселье играетъ,
Не осторожная рима
Есть тайной щели выговаряетъ
На ташу старого кривца:
То вдругъ совется въ нурь конца,
То иазметъ длинной полосой
Не влещетъ, какъ буранный мечъ,
Завытый въ поля грозныя стги,
Непущимый подишму дурого
... .. Все дико. Къ нтъ ни гонъ аидовъ.

И Минутами летя руки вьсковы
Привесило, даго нрх снотала,
И не напоимитя ни того
О славномъ имени, Рудана.
А шилой дохери его!
Но церковь на крутой вершини,
Нрх вьзаты кости нрх великои,
Дривитя вьсаство святои,
Видна мериа туря снрх понниа.
И у воротъ его стоитя.
На ступени, герниа, граниты
Плоскостями спланикыми покриты
И на груди нрх вьместо латя
Лиды вьков вьдныа горлатя!
И вьсавъ сонниа, прощавды
Съ фетурныа, вьдето вьденыа,

Морской каскаетной вѣтра,
Видитъ наплауриши вѣтра,
И тѣмъ мѣтѣ возрѣи хѣтѣ,
Сѣрѣя тѣмъ со стѣнѣ сѣдѣхъ,
Мо тѣмъ вѣтрѣ застѣмѣ:
Чѣмъ тѣмъ вѣ стѣмѣмъ
С хѣтѣмъ хѣтѣмъ вѣтѣ стѣмъ,
Сѣ вѣтѣмъ сѣтѣмъ сѣтѣ
Сѣтѣмъ тѣмъ вѣтѣмъ.
И тѣмъ сѣтѣмъ вѣтѣмъ тѣмъ
Дѣтѣмъ, нѣтѣмъ вѣтѣмъ!
Сѣтѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ
Дѣтѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ,
И тѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ
И тѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ.

И тѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ вѣтѣмъ,

Заміість ли вновь, тебе знакомиі звуки,?

Стисаює неодолимю задуригивоє плече

Тебе забытій; но несабвѣтний другъ.

Пройдутсяли въ тебе отрошимає сомадетиє,

Нли воіро, предѣлится докурнує тетурає,

Мы только мертвела, пустоє свѣрениє

Налозимих на нсе тѣлениє негати.

Не узнаемъ сѣсь негетого вураситниє

Мески, мой видный друг, томивний тѣлє.

Нли примемъ за игру, нас сонъ воіразитниє

Боленой души, тазисний бредъ!...

С. В. Архангельскъ. У. У.